

П.К.
Из переписки группы „Освобождение
Труда“ / Красная летопись
-1924. - № 2(11). - с. 193-199.

И 5
А П Р

ИЗ ПЕРЕПИСКИ ГРУППЫ «ОСВОБОЖДЕНИЕ ТРУДА».

Совершенно случайно из частных рук к нам поступило дело департамента государственной полиции за № 261, 3-го д-ва, за 1884 год, которое исключительно посвящено переписке русского правительства с немецким по вопросу о выдаче русскому правительству арестованного в Германии во Фрейбурге русского подданного, именовавшего себя Александром Бульгиным. На самом деле это был Лев Дейч, который повез из Швейцарии во Фрейбург литературу Группы «Освобождение Труда», чтобы затем отпривить ее на русскую границу, и случайно в Фрейбурге был арестован германскими властями.

Названное дело является как бы документальной иллюстрацией к книге Льва Дейча «16 лет в Сибири» и такой же иллюстрацией к статье того же автора «Первые шаги Группы „Освобождение Труда“», помещенной в сборнике № 1 «Группа „Освобождение Труда“». В первом своем труде автор описывает, как произошел его арест во Фрейбурге под именем Александра Бульгина, а в упомянутом деле приложен паспорт — свидетельство на имя сына священника Владимирской губернии, Суздальского уезда Александра Бульгина. Но наведенным департаментом полиции справкам свидетельство оказалось подложным. В этом же деле имеется подробное допесение о том, что арестованный Лев Дейч в наручниках был русскими властями под расписку принят от прусских властей. Представляет интерес также и письмо министра внутренних дел Н. Гирса к генералу П. В. Оржевскому следующего содержания:

«Получив письмо вашего превосходительства 12 сего мая, считаю необходимым ныне же обратиться к вашему вниманию на следующее обстоятельство: Дейч был выдан нам из Германии, как простой преступник, и правительство наше предъявило требование о выдаче обыкновенным дипломатическим путем, тем самым обязавшись держаться в этом случае общепринятой международной практики в делах экстрадиции. Поэтому на министерстве иностр. дел лежит обязанность наблюдать за тем, чтобы Дейч по прибытии его в России немедленно был передан в руки тех судебных властей, которые призваны судить его за преступление, указанное в экстрадиционном требовании. Сообщая об этом вашему превосходительству, я позволяю себе просить о скорейшем уведомлении о последующем...»

Как известно, Германия выдала Льва Дейча России под видом уголовного преступника, ибо такую квалификацию дало ему русское правительство.

Все приведенные выше сведения не имеют еще такого важного значения, наибольший интерес представляют иллюстрации другого порядка, а именно: при деле имеются хотя и неполные письма, взятые при обыске у Льва Дейча во время его ареста во Фрейбурге, его записная книжка

и деловой документ на французском языке, который мы ниже печатаем в переводе — условие о продаже Антоном Трусовым русской типографии г.г. Евгению Дмитриеву (псевдоним Льва Дейча) и Георгию Пеханову.

Письма указывают, что у Группы «Освобождение Труда» были связи в трех городах: в Вильно, Москве и Петербурге. Эти же письма характеризуют, как устранялась граница для транспорта по перевозке нелегальных изданий Группы «Освобождение Труда» в Россию.

Кто писал эти письма? Судя по статье Льва Дейча «Первые шаги Группы „Освобождение Труда“», они могли быть написаны Гриффестом-Финстером, который был отправлен Группой в Россию с целью завести и упрочить связи в разных городах. Эти же письма характеризуют настроения революционной интеллигенции в России. Письмо № 1, по нашим соображениям, было от Финстера к Павлу Аксельроду, ибо в конце письма говорится: «Целую вас, дорогой Павел». Письмо № 2 принадлежит тому же Финстеру и написано, судя по его содержанию, к Льву Дейчу, письмо № 3 опять к Аксельроду. На письме № 4 пометка «для Евгения». Как мы уже говорили, Евгений Дмитриев была нелегальная фамилия Льва Дейча, следовательно, это письмо было написано ему¹⁾.

Что касается заметок «Из записной книжки», то они представляют интерес только в том отношении, что указывают на средства Группы, что видно из имеющегося здесь прихода, расхода и уплаты сотрудникам: Игорю, Вере и Павлу, т.-е. Вере Засулич, Павлу Аксельроду и Георгию Пеханову.

В тексте приводимых писем мы заключили в прямые скобки окончание слов.

П. К.

Приложение.

Копии писем и других бумаг, взятых у Лейбы Дейча при задержании его в г. Фрейбурге.

1. ПИСЬМА:

№ 1.

..... я должен устроить границу сам, своими средствами; я могу в этом случае рассчитывать на содействие кружка, который деликом и вполне сознательно принял нашу программу; затем успел я организовать маленький кружок в Москве. Последний, хотя ничего особенного не представляет, но надеюсь дать ему специальное назначение, когда поеду снова в Москву. Кроме того, у меня есть личные приятели, которые, не смотря на программу, готовы для меня все делать. В Москве я познакомился со всей тамошней революционной публикой, конечно, в лице представителей разных кружков и направлений, не исключая и прогрессистов, как Вы их называете. Московская молодежь (ее знаю непосредственно, но в общем знаю и интересую: и она такая же) волнуется сильно, но представляет собою стадо без пастуха: нет людей, которые бы могли стать во главе этой массы, дать каждому кружку или лицу соответствующее, по способностям и положению, дело, вследствие чего каждый кружок и даже лицо занимается *всем* и хочет непременно представлять собою партию. Поэтому революционная Москва, а также и Питер представляют собою кашу, где сам черт себе все зубы сломаст прежде, чем хлебнет хоть раз. В общем господствует народо-

¹⁾ При обыске у Л. Дейча были взяты еще два письма — № 5-й на имя Аксельрода, № 6-й на имя Дармонд за подписью «Ольга», но копий их при деле не имеется, ибо, по мнению департамента полиции, они «по своему содержанию не представляют значения».

вольческое направление, впрочем не верно — не направление, а традиция, так как направления я при всем своем желании никакого не заметил: всякий народовольч[еский] кружок и всякий отдельный народовец толкует программу по-своему, и почти всегда члены одного и того же кружка понимают ее и толкуют иначе. В результате получается такое впечатление, что «Народовольчество» есть технический термин для всевозможных и разнообразных бессмыслиц. Лучшие элементы из молодежи чувствуют эту пустоту и бьются они, бедные, как рыба об лед, но, конечно, сами никогда не вырвались бы из заколдованного круга. Тут-то Грушина «Освобожд[ение] труда» и явилась ангелом-спасителем. Признаются в этом пока хотя немногие; но масса это чувствует; даже самые ярые наши противники, т. е. самые глупые Народовольцы, говорят о «новом направлении», к[ак] о чем-то, получившем право гражданства, как о противнике, с которым бороться надо, подставлять же ему ногу, для «истинного народовольца» — даже обязательно. Но последних очень мало, и я уверен в нашем успехе... У меня следующий практический план. Прежде всего необходимо установить аккуратную доставку в Россию нашей литературы. Наш кружок с Московск[им] и подобным же кружком почти устроенным в Пит[ере] через студентов объявят себя «Обществом для распространения и поддержки социалистической литературы» и действительно будут систематически этим заниматься. Но одним этим ограничиться мы не должны; около такого дела сконцентрируется слишком мало людей, притом интересно: не ограничиваясь добрыми советами, предлагать практические дела, соответствующие нашей программе. В виду всего этого я мечтаю об организации «Русского рабочего Союза»... Было бы хорошо, если бы вы, вместо сборника или журнала, приступили к изданию ежемесячного обозрения в размере «Обиивны», возглавив его, скажем: «Органом социальн[о]-революц[ионной] Группы Освобожд[ение] Труда», к этому вы бы еще продолжали издавать «Библиотеку современного Социал[изма]». Этот орган придаст бы нам значение действующей в России фракции и вместе с несколькими кружками, занимающимися пропагандой, агитацией и организацией рабочих, мы бы представляли солидную силу. Современем мы бы перенесли это издание в Россию, а заграницей могли бы приступить к сборнику или журналу... В Москве мне легко будет сойтись с литераторами. Брошюра Пл[еханова] очень им понравилась, они находят ее хорошей социалистической программой, но думают, что не наступило еще время для такой программы. Через Кенигсберг нельзя переноситься. Когда пошлете мне какую-нибудь книгу, то пошлите ее посылкой, а под баннеродем... Пошлите мне все те письма и рекомендации, о которых пишете в своем письме; в Питере я думаю очень скоро быть.

Как только бог даст, получу издание, то дела наши живо пойдут, я в этом уверен. Вообще настроение у меня самое лучшее, а надежды — еще лучше. Я дал одной барыне в Москве адрес «Гал»¹⁾ (?) (домашний) для переписки с вами. Она уехала в Тверь и напишет вам от моего имени (как мы с вами условились): какие книги и на какой адрес выслать? Было бы хорошо, если бы вы послали в нескольких книгах: брошюры Пл[еханова], Разв. и Павлову²⁾. Пришлите по следующему адресу: 183645984981673568129244324924763968465174922274377632947321552563113247644937. В одно и то же время напишите на один из присланных мною раньше адресов (двух), что выслали книги: какие и сколько.

Пришлите все №№ «Социал-Дем[ократа]» с начала 84 г. Когда будете посылать книги, то на всех, которые назначены мне, делайте какой-нибудь значок, ну хоть закрученный «С». Книги и письма пошлите через какой-нибудь германский город. Пока у нас еще мало осозательного. Паря кружков, вполне сознательно разделяющих нашу программу, и один из них очень солидный по составу членов. Другой надеюсь расширить и окончательно сформировать. Хотя он еще очень молодой, но парод замечательно симпатичный и весьма серьезный. Кроме того, программа наша и брошюры Пл[еханова] произвели сильное волнение во всех кружках. Народовольческие кружки артачатся, конечно, но стоит нам только выступить хотя с умеренными силами и практическим делом, и поле битвы останется за нами. Многому способствует популярность некоторых членов Группы «Освобожд[ение] Труда», или скорее всех членов.

¹⁾ Или «Гол» — написано неразборчиво (примечание переписчицы департамента полиции).

²⁾ Плеханов «Социализм и политическая борьба», «Разв.» — это брошюра — «Развитие научного социализма», Павлова (брошюра) — это Павел Аксельрод — «Чего хотят социал-демократы».

И[сханов] и Павел ¹⁾ оказывается гораздо популярнее, чем литературные силы старика Лаврова. Итак, у нас имеются: 2 вполне с нами солидарных кружка и благоприятствующее нам общее настроение публики; союз с Московск. группой—более чем вероятен: есть масса знакомых среди студентов и студенток; некоторые из них и теперь занимаются с рабочими.

Было бы хорошо, если бы вы вместе выработали вроде проекта предполагаемого «Русск. Рабоч. Союза»: маленькую практич. программу его: поскольку союз этот должен принимать участие в борьбе с абсолютизмом и, главное, как вы смотрите на фабричный и аграрный террор. Этот террор составляет теперь в России злобу дня. Только о нем и говорят—в особенности «Народовольцы». Последние говорят так: «Политич. террор непонятен народу: народ и не знает по большей части о совершившихся фактах; наши надежды на общество, армию и т. д.—обмануты, поэтому мы должны обратиться к самым настоящим нашим союзникам: к народу» (кажется, ничего себе): «Но»,—продолжают они (по-моему «Но»—всегда губило «Н[ародную] Волю») — вести агитацию, пропаганду среди народа при настоящих условиях невозможно, поэтому мы должны только популяризовать партию в глазах крестьян и городских рабоч[их], а, именно, путем фабричного и аграри[ого] террора; когда будем защищать народные интересы, будем убивать непосредственных его притеснителей, тогда народ воочию увидит, что партия «Н[ародной] Воли» есть единственный его друг и, конечно, будет готов пойти за ней в огонь и в воду. Тогда партия «Н. В.» захватит власть в свои руки, народ будет ее поддерживать, и тогда намелать нам на общество, на армию, на императорство, поддерживаемые всем крестьянским и рабочим[им] людом, мы будем тогда декретировать социализм». Это слова народовольцев, и они в этом духе переделывают свою программу. План смелый, но очень глупый. И лично—против фабрич. и аграри. террора, не связанного даже с такой колоссальной чепухой, как мифический захват власти. Я принципиально против него, потому что думаю, что мы боремся не против известных личностей, а против системы, против известных порядков. Воспитывать народ в убийствах нет необходимости: я думаю, что мы можем, но этой части программы, что касается популяризации, то подлежит еще сильному сомнению: удастся ли нам этим путем популяризовать партию в народе, между тем ясно, как божий день, что мы этим оттолкнем от себя все русское общество. Интересно знать ваше мнение обо всем этом, если вы вложите его в виде письма к товарищам, то его можно бы литографировать и оно могло бы служить для наших в России руководством при разных переговорах.

Извещайте меня во-время о выходящих брошюрах, печатающихся. Обдумайте план выступления с органом. Я считаю его весьма полезным делом. Держать знамя высоко мы, конечно, из всех сил будем стараться. Я в таких случаях держусь правды: «смелость города берет»; очень много значит: решиться и сказать: «быть по моему» — я это испытал.

Убийство Суд[ейкина] встретило, конечно, сочувствие, но никакого особенного торжества не заметно. С одной стороны, публика уже привыкла к этому, с другой—на самой победе лежал отпечаток бессилия. Было бы недурно, если бы время от времени писали в Вильно местному кружку. Можете писать им на те адреса, которые я вам выслал, только, когда будете мне писать — начинайте известным (условленным) перед отъездом из Женевы именем (не разборчиво. П. К.), а если к ним — то делайте к[а]к в предыдущий раз ²⁾.

* * *

№ 2.

Пришли обратно ³⁾.

Дорогой друг Павел! Одновременно я посылаю Василию Александр[овичу] подробное письмо, которое и вы, конечно, будете читать ⁴⁾ Ваше «письмо к товарищам», взятое мною у вас пред отъездом из Цюриха, я оставил в Москве тамошнему нашему кружку для литографирования: оно очень понравилось публике.

¹⁾ Аксельрод. Ред.

²⁾ Подпись нет и дата не указана.

³⁾ Пометка сделана по рукою писавшего письмо, а другою.

⁴⁾ и ¹⁾ Пропущены места, не представляющие значения (примечания департамента полиции).

Прибавлю к нему несколько слов от издателей, где мы говорим, что письмо это не было предназначено автором для опубликования, но, тем не менее, публикуем его по таким-то и таким соображениям. Недавно мой кенигсбергский приятель ¹⁾ уехал в Цюрих, я дал ему записочку к вам. Рекомендую его вам, как славного малого ²⁾..... Александре Ивановне передайте, что я еще не виделся с ее подружкой, но в Москве я достал ее адрес и написал ей от себя письмо. Брат ее здоровствует в Питере, говорят, что он недоволен нынешним своим положением, т.-е. бездельностью. Клянится вам один из ваших старых знакомых: Константин Клавдиевич. Передайте Константину поклон от того же самого господина. Этот Константин Клавдиевич имеет теперь маленький капитал и желает купить или арендовать на Юге участок земли и заняться земледелием. Не может ли Цюрихский Константин дать ему рекомендацию к своему товарищу помещику на Юге России, о котором он мне говорил, у того, как он мне рассказывал,—много необработанной земли; если может, то пускай пошлет письмо Василию Алекс[андровичу], а последний отошлет мне его в книге. Мухачеву ³⁾ передайте, что ему вышло из Берлина известные ему вещи по следующему адресу: Zürich Oberstrasse Herrn Bayda, P. Restante. Напишите Коммуне, чтобы он выслал вам адрес «Рыжего»; на этот вы можете писать мне всегда и прямо из Цюриха. Напишите только на письмо: «для Бориса» Я выслал из Минска для Верочки 2 книги детского журнала «Задушевное Слово», если оно ей понравится, то я могу продолжать высылать этот журнал. Сердечный поклон знакомым; целую ребятнишек. Я оставил у Соц.-Демократов остаток книг Якова, немного также у Александра Петровича ⁴⁾..... Ему я сказал, чтобы он отдал их Матвею свести ему, теперь, чтобы он их не отдал Матвею, тоже самое не отдайте Матвею и тех книг, которые лежат у Соц.-Демократов ⁴⁾..... Ну, Павел, желаю вам всего хорошего; сердечно кланяюсь Наде, вашим барыням и другим. При случае напишите, как здоровье Елены. Крепко целую вас, дорогой Павел)..... Ваш Александр. 3/2—1884 г.

№ 3.

Дорогой Друг! Неделю тому назад я написал вам письмо и выслал его в книге, в Дрезден. Вы, вероятно, уже получили его, что дает мне возможность быть на этот раз кратким. На всякий случай повторю кое-что, о чем писал в предыдущем письме. Посланные вами в Кенигсберг 200 экз. наших изданий арестованы были на границе, при этом арестовали немца (Штольд?), а мой кенигсбергский знакомый ⁵⁾ [должен] был вследствие этого уехать из Кенигсберга, теперь он [должен] б[ыть] уже в Цюрихе. Еще я писал вам, что нам необходимо доставить в Россию некоторое количество наших изданий и что я решил направить пока на это все свои усилия. Это важно, во 1-х, для того, чтобы доказать публике, что можно получить из-заграницы, пока публика не верит в это; во 2-х, этим покажем в известной степени, что Группа наша не ограничивается только словом, а делает даже больше, чем от нее требовать можно, т.-е. доставляет каждому чуть не на дом свои издания; в 3-х, издания наши являются самыми лучшими нашими агитаторами. Теперь граница уже устроена у меня, устроена она в 2-х местах и довольно хорошо и дешево: за переправу через границу и доставку в ближайший большой город; оттуда уже можно самим везти, буду платить рубл[ей] от 25 до 30 с пуда, не больше. Теперь я хочу получить пуда 3. Пришлите, как можно скорее: «Социал[изм] и политич[еская] борьба» — 200 — 250 экз. «Разв[итие] научн[ого] социал[изма]» столько же, брошюра Павла «чего хотят социал-демократы», если она вышла — столько же; «С. И. Вардина» — все имеющиеся экземпляры; эта брошюра действует очень на первых чувствительных барынь, а это очень полезно, когда деньги нужны; «сущ[ность] — социал[изма]» Шефле — все экз[емпляры]; затем пошлему экз. изданий Социально-революционной Библиотеки и Красн[ого] Крест[а]

¹⁾ Городище — кенигсбергский студент.

²⁾ Или «Мухачеву» — написано неразборчиво (примечание переписчиком департамента полиции).

³⁾ Места, не представляющие значения и потому пропущенные (примечание переписчика департамента полиции).

⁵⁾ Это был кенигсбергский студент Городище. Такой вывод можно сделать, сравнив письмо № 2 с сообщением Л. Дейча на стр. 42-й статьи «Первые шаги группы».

Народной] В[оли] было бы очень хорошо, если бы вы могли прибавить экземп. 25 «Вестника Н[ародной] В[оли]» и столько же «Календаря Н[ародной] В[оли]». Все это пришлите из какого-нибудь германского города на следующий адрес: «Schmalteinkgen (Preussen) Herrn Noa Berelomitz» Носылайте это в виде товара и franco. Одновременно или для через 2 напишите на этот же адрес письмом по-немецки и просите Береловича передать этот товар, высланный под № (таким-то) «Herrn V. D. Wolf». В этом письме не пишите, что там книги. Одновременно пишите в Вильно, что книги высланы под № (таким-то), откуда, какие и сколько ¹⁾ Вложите в книги экз. по 3 — 5 всех вышепечисл. №№ «Соц.-Демократа» за 84 год. Когда отправите книги в Цюрих к соц.-демократам для доставки к русской границе, то пишите Павлу, чтобы он лично передал немцам мой адрес (Береловича), а то живо провалят. Письмо это пишу в пограничном городе, отправлю с человеком на ту сторону, а оттуда recommendé — к вам. Отсюда уезжаю на-днях, вероятно, в Москву. Письма пишите мне в Вильно ²⁾ В Питер я думаю скоро поехать. Обнимаю и целую вас Ваш Александр Евсильев. 8 февраля 1884 г.

№ 4.

Для Евгения ³⁾.

4/III 1884 г.

Дорогой Товарищ!

Я не хочу изложить своих взглядов относительно сообщенного нами из России, ибо принимаю ваше предложение повидаться. Во 1-х, мне хочется кое-что выяснить перед моим отъездом, кроме того, необходимо кое о чем поговорить. Не хотелось бы только тратиться, так как денег у меня очень мало, но делать нечего, тем более, что имеется в виду новое дело, которое может в скором времени (5—7 месяцев) доставить солидный куш. Дело это конечно может прогореть, а потому вы старайтесь как можно держаться в секрете и не надеяться на него, как на что-нибудь надежное. Увидимся и об этом поговорим. Будет ли для вас удобен город, который вы выбрали, там есть 2 студента, которые вас знают; они парни хоть и надежные, но могут пасть и другие, которые вас видели где-нибудь в Швейцарии. Подумайте и об этом. В Цюрих же мне неудобно будет приехать. Раньше 22 марта я навряд ли смогу выехать, так как денег нет. Выпишите, пожалуйста, немедленно по 8 экз. брошюры Плеханова и Ангельса и по 5 «Наемного труда» и «Манифеста». До скорого свидания, отвечайте немедленно. Крепко жму вашу руку ⁴⁾.

Брошюры высылайте не сразу, а штук по пяти на мой и товарища адрес.

2. УСЛОВИЕ.

С конн.

Между г. Евгением Дмитриевым, проживающим в Женеве у Старого моста, 21, и г. Георгием Плехановым, проживающим в Каруж, ул. до-граф Бюро, 476-бис, — с одной стороны и г. Антоном Трусовым, владельцем типографии, проживающим на шоссе Неф, 43, — с другой стороны — заключено нижеследующее условие:

1) Г-м А. Трусовым продано г-м Дмитриеву и Плеханову оборудование русской типографии, инвентарь которой, написанный и подписанный мною собственноручно, при сем прилагается ⁵⁾, — за тысячу восемьсот франков.

2) Г-да Дмитриев и Плеханов, входя во владение, уплачивают сумму в размере восьмисот франков.

¹⁾ Пропущено место, не имеющее значения (примечания переписчика департамента полиции).

²⁾ Тоже.

³⁾ Пометка эта сделана тою же рукою, в[от]горою] написано само письмо (примечание переписчика департамента полиции).

Для Евгения, повидимому, для Евгения Дмитриева — Льва Дейча.

И. К.

⁴⁾ Подпись неразборчиво написана, повидимому «Василий» (примечание переписчика департамента полиции).

⁵⁾ Этого списка инвентаря в деле не имеется.

3) Второй платеж в восемьсот франков будет внесен в конце будущего октября.
 4) Третий платеж должен быть произведен в январе 1884 г. в размере двухсот франков.

3) Между ними по взаимному соглашению разрешается мне закончить печатные работы до второго платежа в размере восьмисот франков, после чего продажа типографии будет считаться окончательной.

Означенное условие, написанное в двух экземплярах, принято сего 10 сентября 1883 г.

Читал и утверждаю *А. Трусов*.

Читал и утверждаю *Е. Дмитриев*.

Читал и утверждаю *Г. Плеханов*.

Примечания (перешечика деп-та полиции):

1. а) На подлиннике имеются еще три расписки А. Трусова в получении им:

10 сентября 1883 г.	800 фр.
21 октября » »	600 » ¹⁾
22 января 1884 г.	200 »

б) Подпись «Е. Дмитриев» имеет по почерку полное сходство с рукою Дейча.

2. Кроме этого условия у Дейча отобрано еще несколько мелких документов на имя «Евгения Дмитриева, русского уроженца», не представляющих значения для дела, и в том числе временный вид на жительство, выданный Дмитриеву швейцарским правительством.

¹⁾ На копии отмечено в получении 31 октября 600 фр., а не 800.